УДК 39

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОМАТИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИЙ

Безвербный Александр Александрович,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Южно-Российский институт управления (филиал),
кандидат социологических наук,
докторант,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
E-mail: filosofia@uriu.ranepa.ru

Аннотация
В статье показано, что любая политическая рефлексия, и в форме презентационных партийных идеологий, и в форме индивидуальных вариантов политической самоидентификации, не может не включать оценку значимости телесного фактора в политической сфере и специфики его политического бытия. Стереотипы восприятия субъектов политической деятельности пропитаны соматическими установками, достигающими, часто, уровня биологического фетишизма.

Ключевые понятия:
соматическая идентификация, биологический фетишизм, политическая идентификация, политические стереотипы, биополитика.

Теоретизирование по поводу сущности и специфики человека накопило колоссальный по объёму материал и обрело интересные и значимые результаты. Исследователи разветвили антропософию на десятки отраслей и направлений. Но своеобразной методологической константой остаётся признание значимости биологической ипостаси феномена человека. Биосоциальность человека не отрицается никем. Разнятся лишь положения о месте и значимости этой характеристики. Своё узнаваемое лицо обрела и политическая гуманитаристика. И если уклониться от проблемы прояснения предметных границ, скажем, политической антропологии и антропософии, проблемы, которая в принципе не может быть разрешена, то в интегрированном пространстве теоретизирования о сущности человека вопросы телесного ингредиента этой сущности всегда получат определенную меру отражения [12, 11–27; 13, с. 35–45].

Политическая аналитика также не может быть изолирована от проблемы биосоциального статуса субъекта своей предметной сферы, как и другие отрасли обществоведения [4, с. 116–129; 1, с. 92–107]. Политическое бытие социализированной телесности, причём социализированной дважды – в филогенезе и онтогенезе, не только источник многих социальных противоречий, но и реальное пространство их продуктивного разрешения. Однако приходится констатировать, что очень значимая часть политологических исследований так и не «опускается» до homo somatikos. Притом что, получая как данность общеморфологические и половые характеристики, а также динамику их временных изменений (возраст) в параметрах нормы или патологии (здоровье), индивид навсегда не только несвободен от приобретения их, но и от избавления от них [3, с. 49–61].

Далее, *каждый* индивид от рождения не только получает определённый соматический набор, но, в процессе социализации вольно или невольно, стихийно или сознательно, он обретает определённую степень качества идентичности тем параметрам, которые отражают представления общества о расовоэтническом, гендерном, поколенческом статусе индивида, а также, нормовости или патологичности характеристик его здоровья.

Политическая рефлексия, и в форме презентационных партийных идеологий, и в форме индивидных вариантов политической самоидентификации, не может не видеть значимости телесного фактора в политической сфере жизнедеятельности общества. Политическая социализация, особенно в своих стихийных формах, предполагает т.с. насыщение субъектов политического процесса матрицами восприятия этого самого процесса. Стереотипы политической культуры пропитаны соматическими установками, мотивирующими, скажем, электоральное политическое поведение.

Телесность включена в политическое бытие не только биосоциальностью конкурирующих элит и их представителей в предвыборной гонке [15, с. 23–43]. Политическая рефлексия цивилизованных эпох давно обозначила особые направления, общетеоретический контент которых можно обозначить как биологический фетишизм. Биофетишизмом мы будем называть рациональное или стихийное мировидение и идеологии, предполагающие, что социальные качества и характеристики порождены особенностями биотелесной организации. Эйджизм, расизм, сексизм – не только древние социальные стереотипы, но и мощные политические движения и идеологии [2, с. 196–211; 6, с. 237–249]. Идеологии, доказывающие особый, приоритетный, статус группы, выделяемой по биологической спецификации. Буквально эти термины обозначают социальное ранжирование по принципу «лучше – хуже» и, соответственно, дискриминацию индивида по биологическому признаку.

Поэтому проблема соотношения соматической и социальной идентификаций в политической рефлексии и биологического фетишизма – не теоретический изыск, а актуальный вопрос политической коммуникации и политического управления.

В соотношении телесной, биологической идентификации и идентификации в социальной сфере важно увидеть особый аспект этого феномена. Мы, в данном контексте исследования, выделяем ограниченный и относительный характер социальной идентификации индивида, её частичный характер.

Колоссальный, по длительности, антропосоциогенез сформировал целую палитру инноваций в адаптации к окружающей среде и её изменениям. И одно из главных достижений эволюции вида homo – это выход этой самой эволюции за пределы телесности. Осуществился перенос эволюционного процесса – с прогресса в адаптации, на орудия, дополняющие индивидуальную природу в борьбе с вызовами внешней природы.

Орудийная деятельность породила в дальнейшем собственную логику совершенствования эффективности этой адаптации к изменяющемуся миру. Использование любого орудия даёт тем больший результат, чем более умело это использование осуществляется. Совершенствование навыков орудийной деятельности и самих орудий – новый качественный этап антропогенеза. Саморазвитие этого направления, уже собственно социальной эволюции, привело к глубокой специализации в труде и сложнейшей социальной коммуникационной системе. Большая часть взаимодействий в этой системе – обмен результатами специализированной деятельности. А сам обмен символизирует то, что на определённой стадии цивилизационного развития отдельный индивид, в течение своей единичной, реальной жизни, не в состоянии заместить собой все социальные роли социума. Его потенциально универсальная телесность обретает в социуме неуниверсальное бытие. Причем эта индивидуальная неуниверсальность не есть проблема способностей и персональных ресурсов энергии. Это сущностный компонент системы, базирующейся на разделённом и специализированном труде.

В этой системе для индивида объективно актуализирована задача обретения лишь части социальной идентичности своей эпохи. Несоизмеримо большая часть останется неосвоенной навсегда. И это не станет препятствием нормального, нормового существования в обществе. Общество пронизано всеобщей частичностью своего социального бытия. Т.е. социальная самоидентификация предполагает осознание как огромного разнообразия статусов и ролей, так и понимание «предначертанной» антиуниверсальности индивидного соучастия в социальном взаимодействии

Иное дело – биосоциальные, телесные характеристики. Каждый человеческий индивид получают при рождении не просто телесность, а биосубстрат, изначально отражающий видовую морфологию тела, ролевое место в видовой технологии вос-

производства себе подобных, видовые особенности возраста и нормы или патологии здоровья. Независимо от его воли и желания индивид, как и любое животное, существует в кондициях и параметрах своей телесности. Но, в отличие от человека, животные вместе с биосубстратом получают ещё и врождённую программу использования обозначенных параметров, программу, абсорбированную беспощадным естественным отбором. Человеку приходится учиться правильно пользоваться своим телом, правильно включать его в производственные технологии своего вида [14, с. 258–287; 17, с. 87–115].

Всем системно подготовленным гуманитариям достопамятен фундаментальный тезис аналитического обществознания о том, что сущность человека – это совокупность всех общественных отношений. Смысл постулата предполагает, помимо традиционных истолкований, и осознания того, что Маркс совершенно не случайно обозначил в знаменитом тезисе положение о том, что эту сущность не нужно воспринимать как абстракт, присущий *отдельному* индивиду. Тезис явственно фиксирует действительное и объективное различие между общеродовой совокупностью *всех* общественных отношений и её индивидуальной сегментацией. Индивидуальный абстракт от родовой совокупности всей палитры социальных коммуникаций, конечно, объективно беднее.

Отдельный социальный индивид, в реальной жизни, не будет задействован в тотальном большинстве социумных взаимодействий. Кроме того, индивидная сущность отличается не только от общеродовой, но и от групповой. Но от групповой социальной сущности индивидная сущность отличается уже не количественно, а качественно. Конечно, все индивиды, включаясь в социальные коммуникации, участвуют в них как представители какой-либо группы. И это, собственно, цель и результат различных, стихийных или сознательных, социализаций. Однако ни одна социализация не даёт полного слияния индивидов и группы. Эту социальную ситуацию фиксируют многочисленные и достаточно изощрённые системы группового ранжирования по качеству адекватности признанного стандарта. В этом смысле врачи первой категории т.с. «врачее» своих коллег второй категории. Очевидно, что от своей группы индивид отличается не количеством социальных характеристик (в этом они как раз тождественны), а их качеством. Групповая сущность индивидуализирована различными уровнями т.с. насыщенности, порциями соответствия групповой идентичности [7, с. 34–45].

Кроме того, люди вступают в социальные отношения не всей совокупностью своих индивидуальных социальных потенций, а лишь частью. Субъекты социального взаимодействия потребляют друг в друге не совокупность качеств, а только те, которые обеспечивают сам предмет взаимодействия.

В социальном взаимодействии, как указывалось выше, человек участвует как представитель какой-либо группы. Учитель, повар, инженер, электротехник и другие социальные качества, во-первых, превращаются из индивидной потенции в социальную действительность в момент потребления, а во-вторых, каждая роль предполагает некую стандартную квалификацию, которую, собственно, и имеют в виду контрсубъекты социальной коммуникации. Заметим, не яркая индивидуальность, а типизированный групповой стандарт интересует контрсубъекта. Т.е. вызвав, например, обозначенного выше электротехника, мы предполагаем потребить его профессиональный навык, а не эксклюзивную комбинацию свойств. Т.е. именно реальные «отдельные индивиды» группы по-разному воплощают в себе стандарты групповой идентичности, по-разному воплощают укоренившиеся в обществе социальные стереотипы восприятия тех или иных ролей.

Индивиды, и в производственной и в политической сферах, вынуждены обращаться к процедурам рефлексии и самоидентификации для «калибровки» собственной идентичности с групповой. В том числе, идентифицируя и свои естественные кондиции. При этом общество часто предлагает, через установки идеологизированных суррогатов, обнаружить в себе естественные, животные начала. Политическая рефлексия многих биофетишистских идеологий предлагает своим адептам «включить» животную идентификацию. У животных нет самоидентифицирующей рефлексии. А значит, нет рефлексии и эмоциональных переживаний по поводу собственных телесных параметров. Характеристики собственного тела не становятся осознаваемыми источниками и мотивами

поведения. Самцы, вступая в брачные игры, не утруждают себя анализом соответствия своей половой и возрастной зрелости. Само пробуждение полового инстинкта – этап неосознаваемого пути от рождения к смерти, этап реализации биопрограммы существования. А брачные турниры (один из символов естественного отбора) как раз и демонстрируют отсутствие тактической самоидентификации себя с набором физических характеристик, достаточных для победной конкуренции в репродукции.

Очевидно, конечно, что животные отличают себя от других. Накопленные в процессе эволюции инстинкты позволяют им мгновенно оценивать опасность или её отсутствие в телесности других животных.

Но охраняющие и сохраняющие вид инстинкты животных, как неосознаваемые программы поведения, формировались в процессе очень и очень длительного филогенеза. Так же, как и видовые навыки самовыделения себя в коммуникации. Так что длиннющий, простирающийся через поколения естественный отбор в реальной жизни избавляет животную особь от опасных, из-за длительности, аналитических процедур рефлексивной идентификации и самоидентификации [16, с. 116–135].

Осознание своей идентичности какому-то набору характеристик – это уже следующий, не животный этап эволюции. Представляется, что, в данном контексте теоретизирования, сам процесс антропосоциогенеза – это история утраты животной технологии *инстинктивной адаптации* к вызовам внешнего мира. На каком-то этапе эволюции преимущество получили (чаще выживали) менее «закомплексованные» инстинктами особи. Эволюционный «зазор» на обучение в поведении появился ещё на этапе высших млекопитающих, по мере усложнения самого поведения. Волки и флажки, грызуны и разрушенные стенки амбаров и т.п. Примеров у этологов не счесть. Очевидно также, что вытеснение такого биологического механизма, как инстинкт, шло, как это ни удивительно, по традиционному биоэволюционному пути – через случайные мутации, закреплённые как более эффективные в адаптации к окружающему миру.

Обозначенное направление эволюции обрело предсоциальное качество у непосредственных предшественников человека. И именно на этом этапе саморазвития адаптации к природе *эволюция тела у данного вида трансформировалась в эволюцию навыков и технологий помощи этому телу.* Поэтому саморазвивающаяся орудийная деятельность предлагает индивиду повышение эффективности телесной деятельности «здесь и сейчас», а не через т.с. естественную выбраковку десятка поколений. Социальная эволюция предлагает особи не смерть, при неспособности тела адаптироваться к изменившимся условиям, а жизнь с изменившимися орудиями труда.

Но! Социальная эволюция, повышая шансы на выживание тела отдельного индивида рода, порождает и массу проблем коллективного бытия этого тела. В природе телесность индивида действительно источник его группового статуса. Качества животных только телесны. Они эмпирически очевидны для сообщества. Их тела универсальны для родовых технологий существования. И их бытие также универсально. Т.е. каждая особь умеет и делает то же, что и другие. Человеческое тело также потенциально универсально, но бытие его антиуниверсально. Его тело визуализировано для других, но «увидеть» в нём социальное качество – невозможно [5, с. 323–349].

Сам феномен биологического фетишизма, предполагающий, что социальные характеристики субъекта воспринимаются контрсубъектом как проявление его соматических статусов, порождён, на наш взгляд, обозначенными социальными феноменами. Очевидно, что существует проблема несоответствия, несоразмерности между действительной качественностью, действительной квалификацией исполнителя социальной роли и стереотипом, закрепившемуся за этой ролью. Разнокачественность квалификаций представителей одной социальной группы (врачей, сантехников, скрипачей), существующая в обществе как объективная данность, порождает социальную иллюзию того, что эта разнокачественность обусловлена принадлежностью к другим, но уже биологическим, телесным группам. Это связано ещё и с тем, что нет на свете человека, существующего вне параметров этнорасовой морфологии, гендерной принадлежности, возрастного статуса и маркеров нормы или патологии здоровья. Эта ситуация – объективная данность, не завися-

щая от сознания субъекта, но неминуемо отражаемая им в субъективных формах этого сознания. В обозначенных т.с. «матричных» формах телесности могут быть десятки девиаций и сотни их сочетаний. Но! Сами эти фундаментальные формы бытия телесности неизбывны и значимы для любого вида социальных коммуникаций, для любой сферы жизнедеятельности общественного организма.

Почти каждая социальная роль «догружена» в своём социальном бытии телесным стереотипом восприятия. Телесный образ социальной роли – своеобразная аккумуляция как житейского опыта и бытового здравого смысла, так и рационального теоретизирования. Созидание, накапливание и постижение значения различных стереотипов восприятия составляет значительную часть социального феномена социализации. Стереотипы восприятия – не умственная вольность субъекта социального действия, а технологическая необходимость взаимодействия с социальным и природным миром. Существование социальных стереотипов обусловлено не леностью субъектов, а принципиальной невозможностью непрерывной интеллектуальной обработки чудовищного массива количественных параметров внешней объективной реальности [11, с. 7–39; 9, с. 54–73].

Интересно то, что объективно, т.с. «технологически» большинство социальных ролей не востребуют определённую телесную идентичность. Для предмета социального взаимодействия незначимо – тучный или субтильный, скажем, продавец билетов в театре. Однако при том, что для большинства покупателей билета, параметры соматики не включены в образ исполнителя этой профессиональной роли, эти параметры обязательно присутствуют в образе нормового контрсубъекта «нормального» для данного места и времени. В среднюю телесную норму социума в данное время и в данной точке земного шара всегда будут включены представления о нормовых маркерах расы, пола, возраста, здоровья, типичной внешности.

В большинстве случаев, отклонения от нормы телесности настораживают и становятся препятствием к вступлению в социальное взаимодействие. Как, например, в обозначенном примере с билетером. Конечно, если мы, в нашей стране, обнаружим за кассовым аппаратом ребёнка лет десяти, – мы насторожимся. Наше эмоциональное равновесие будет нарушено. А если ребёнок окажется ярким негроидом в набедренной повязке, то вряд ли социальное взаимодействие начнётся. По крайней мере так же быстро и неэмоционально, как при средней нормовости параметров. При этом понятно, что ни один из перечисленных признаков не может быть принципиальным препятствием реализации самого предмета данной социальной коммуникации.

Обозначенные выше проблемы биосоциальной идентификации оказываются вполне прагматичными не только в бытовой сфере, как в приведённом примере, но и в любой другой. И особое место эта проблематика обретает в политологическом дискурсе. Именно в сфере политики биосоматический статус человека оказывается востребован и становится предметом социального взаимодействия [8, с. 82–88, 127–131; 10, с. 139–162].

1. Аронсон, Э. Общественное животное [Текст] / Э. Аронсон. СПб., 2006. 517 с.

2. Браун, М. Расизм [Текст] / М. Браун, Р. Майлз. М., 2008. 240 с.

3. Бутовская, М. Власть, пол и репродуктивный успех [Текст] / М. Бутовская. М., 2005. 64 с.

4. Гарбузов, В. Инстинкты и судьба человека [Текст] / В. Гарбузов СПб., 2006. 480 с.

5. Дескола, Филипп. По ту сторону природы и культуры [Текст] / Ф. Дескола. М. – Париж, 2007. 584 с.

6. Ивик, О. История сексуальных запретов и предписаний [Текст] / О. Ивик. М., 2011. 59 с.

7. Кули Чарльз Хортон. Человеческая природа и социальный порядок [Текст] / К.Ч. Хортон. М., 2000. 320 с.

8. Лилликен, Дарен Дж. Политическая коммуникация [Текст] / Д.Д. Лилликен. Харьков, 2010. 300 с.

9. Михайлов, В.В. Социальные ограничения [Текст] / В.В. Михайлов. М., 2008. 280 с.

10. Неретина, С. Концепты политической культуры [Текст] / С. Неретина, А. Огурцов. М., 2011. 280 с.

11. Речкин, И.С. Стереотипы и процессы стереотипизации в школьном образовании [Текст] / И.С. Речкин. Ростов н/Д, 2005. 279 с.

12. Субботина, Н.Д. Социальная эволюция и поведение человека [Текст] / Н.Д. Субботина. М., 2014. 432 с.

13. Тегалко, Л. Антропология [Текст] / Л. Тегалко, Е. Кметинский. М., 2008. 400 с.

14. Триандис, Гарри К. Культура и социальное поведение [Текст] / Г.К. Триандис. М., 2014. 384 с.

15. Чеснов, Я.В. Телесность человека: философско-антропологическое понимание [Текст] / Я.В. Чеснов. М., 2007. 213 с.

16. Шеффер, Жан-Мари. Конец человеческой исключительности [Текст] / Ж.-М. Шеффер. М.– Париж, 2010. 392 с.

17. Шмерлина, И.А. Биологические грани социальности. [Текст]/ И.А. Шмерлина. М., 2012. 195 с.

References

1. Aronson E. (2006) The Social animal. St. Petersburg, 517 p. [in Rus].

2. Malcolm Brown, Miles Robert (2008). Racism. Moscow, 240 p. [in Rus].

3. Butovskaya M. (2005) Power, gender, and reproductive success. Moscow, 64 p. [in Rus].

4. Garbuzov V. (2006) Instincts and the destiny of man. SPb, 480 p. [in Rus].

5. Descola Philip (2007). Beyond nature and culture. Moscow-Paris, 584 p. [in Rus].

6. Epic O. (2011) The History of sexual prohibitions and prescriptions. Moscow, 59 p. [in Rus].

7. Cooley Charles Horton (2000). Human nature and the social order. Moscow, 320 p. [in Rus].

8. Milliken Daren J. (2010) Political communication. Kharkov, 300 p. [in Rus].

9. Mikhailov V.V. (2008) Social constraints. Moscow, 280 p. [in Rus].

10. Neretina S., Ogurtsov A. (2011) Concepts of political culture. Moscow, 280 p. [in Rus].

11. Rechkin I.S. (2005) Stereotypes and stereotyping processes in school education. Rostov on Don, 279 p. [in Rus].

12. Subbotina N.D. (2014) Social evolution and behavior. Moscow, 432 p. [in Rus].

13. Tegako L., Kotinsky E. (2008) Anthropology. Moscow, 400 p. [in Rus].

14. Triandis Harry C. (2014) Culture and social behavior. Moscow, 384 p. [in Rus].

15. Chesnov Y.V. (2007) The human Body: philosophical-anthropological understanding. Moscow, 213 p. [in Rus].

16. Schaeffer, Jean-Marie (2010). The end of human exceptionalism. Moscow- Paris, 392 p. [in Rus].

17. Shmerlina I.A. (2012) Biological brink of sociality. Moscow, 195 p. [in Rus].

UDC 39

POLITICAL REFLECTION: CORRELATION BETWEEN SOMATIC AND SOCIAL IDENTIFICATION

Bezverbnyiy Aleksander Aleksandrovich,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
South-Russian Institute of Management (branch),
Cand. Sc. (Sociology), Candidate for a Doctor's Degree,
Rostov-on-Don, Russia.
E-mail: filosofia@uriu.ranepa.ru

Annotation
The article shows that any political reflection both in the form of presentation party ideology and in the form of individual variants of political self-identification cannot but include evaluation of significance of physical factor in the political sphere and peculiarities of its political existence.
Stereotypes of perceiving subjects of political activity are riddled with somatic directives reaching sometimes the level of biological fetishism.

Key concepts:
somatic identification,
biological fetishism,
political identification,
political stereotypes,
biopolitics.